

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО МИРА:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ В СВЕТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ
ДЕЗИНТЕГРАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА XVI-XIX ВВ.

В современном понимании прогресс – это не линейный поступательный процесс, а смена циклов самоорганизации и дезорганизации, при котором в содержании развития не исключаются временные фазы регресса, движения вспять. По всей видимости, историю тюркского мира и путь развития тюркской культурно-цивилизационной общности необходимо интерпретировать на основе данной парадигмы. На наш взгляд, набиравший силу с древности процесс роста и саморазвертывания тюркской цивилизации на определенном историческом этапе – начиная с позднего средневековья – начинает замедляться, подвергается стагнации. При этом характерной чертой культурной истории становится дифференциация, обособление и формирование локальных тюркских культур и этнических сообществ. В новую и новейшую эпоху (XVII-XX вв.) тюркский мир как органическая часть Востока переживает цивилизационный кризис, выражающийся в отставании от европейских народов в науке, технологиях, сфере образования, усилении раздробленности, духовных противоречиях, росте конфликтов и разобщенности между составлявшими его этносами и государствами. К сожалению, ни в классических трудах востоковедов и тюркологов, ни в современной научной литературе по истории тюркских народов сложной теоретической проблеме дезинтеграции и кризиса тюркского мира, разрыва единого культурно-цивилизационного пространства от Сибири и Алтая до Черного моря не уделено достаточного внимания. Авторы научных трудов не стремятся дать анализ факторов и обстоятельств, которые привели к культурной ассимиляции и зависимости тюрков от иноцивилизационных сил в лице России и Китая.

До сих пор каждая тюркская республика пишет главным образом свою национальную историю, причем в отрыве от закономерностей глобальной истории. В целом, серьезных трудов по общетюркской истории и культуре не достает, а в имеющейся литературе акцент сделан либо на древнетюркском и раннесредневековом периодах (т.е. эпохе, когда сохранялись единые культурные основы), либо на известных страницах истории начала XX века, связанных с распространением идеологии тюркизма и деятельности интеллигенции. Особенно слабо и противоречиво отражена в учебниках и коллективных трудах общая история тюркского миропериода конца XVI - XIX вв. Между тем, при цивилизационном подходе именно данный исторический период должен считаться началом серьезного перелома и кризиса тюркского мира Евразии и каждого из составлявших его народов, их перманентной борьбы за культурное и политическое самовыживание.

Верно отмечает автор казахского учебника «История тюркских народов» К. Аманжолов на примере Восточного Туркестана, что большинство трудов про этот край написаны с европоцентристских и китаецентристских позиций [1, с. 216]. Учитывая это, мы попытались хотя бы в общих чертах коснуться главных факторов, которые, на наш взгляд, лежали в основе дезинтеграции единого тюркского культурно-цивилизационного пространства, а также охарактеризовать драматическую историю критического периода с точки зрения приоритетов и задач общетюркской истории. Реалии евразийской и мировой истории кардинально меняются с конца средневековья и начала нового времени – XVI-XVII вв. Знаковым событием стал распад Золотой Орды.

Востоке ее влияние ощутимо. Восток в начале нового времени ощущает двойное влияние – со стороны Европы, в виде первых шагов колониальной экспансии, и со стороны Степи, в виде продолжающихся процессов движения кочевых племен. Влияние Европы проявляется в активном колониальном проникновении и налаживании торговых связей. Но несмотря на это, традиционная структура Востока еще не претерпевает кардинальных изменений» [2, с. 141]. По мнению проф. Ж. Артыкбаева, «период с XV до начала XIX в. является как бы инерционным, когда продолжали действовать традиционные закономерности...».

На самом деле уже с середины XV в. в глобальной системе человечества стал ощутимым сдвиг в пользу первенства западного сообщества народов, вступивших на путь промышленного развития, а в XVI-XVII вв. капиталистическая мир-система превратилась в гегемона мирового развития [3, с. 96]. Экономический упадок в Центральной Азии стал проявляться в связи с важнейшим событием мировой истории – затуханием Шелкового пути, когда купцы стали предпочитать более дешевый и безопасный морской путь на Восток старинному караванному пути через Центральную Азию. Великие географические открытия (XV в.) положили начало данному глобальному дисбалансу. Молодая буржуазия европейских стран получила доступ к рынкам восточных стран благодаря блестящим открытиям мореплавателей и техническим изобретениям, прежде всего современному огнестрельному оружию. «Вследствие глобальных геоэкономических изменений интенсивность движения товарных потоков из европейской части Евразии в страны Среднего Востока по традиционным сухопутным маршрутам Великого Шелкового пути и другим менее крупным торговым трассам резко ослабла, а приток новых промышленно-ремесленных изделий и технологий в центральные кочевые регионы континента сократился до минимума» [4, с. 110].

Когда мы анализируем глубинные (первичные) факторы беспрецедентного кризиса, изоляции и периферизации тюркской Центральной Азии, необходимо серьезно отнестись к такой проблеме, как природно-экологические факторы (изменение климата Евразии), учащение голода, джута, миграций, и, наконец, пандемии чумы в Евразии – этого страшного инфекционного заболевания, «черной смерти», перед которым древний человек был безоружен. Волна чумы, прошедшая в середине XIV века по Азии и Европе (1346-1353 гг.) являлась наиболее разрушительной, с катастрофическими последствиями, унесшей жизнь десятков миллионов человек в различных уголках континента. Очаг грозной инфекции из Китая и Монголии распространился на запад с монгольскими войсками и торговыми караванами. В современной науке признается, что чума оставила колоссальный след в истории человечества, повлияв на экономику, психологию, культуру, демографию [5, р. 47]. Особенно страдали от вспышек эпидемий оседлые пункты, крупные города; менее разрушительными было ее влияние на кочевников в силу их естественного дисперсного расположения и мобильности.

Последствия чумы непосредственно и серьезно сказались на положении Золотой Орды, где резкое сокращение населения привело среди прочего к политической нестабильности, а также технологическому и культурному регрессу, парализовало международную торговлю. Чума как природное явление подготовила почву для последующего кризиса. В целом, конец Великого шелкового пути стал началом отставания Центральной Азии. В регионе в период XVI-XVII вв. резко возрастает конфликтность; междоусобицы охватывают территории ранее централизованных тюркских государств, как Кыпчакское государство Золотая Орда, Государство Эмира Темура.

Сложный комплекс факторов, как внутренних (локальных), так и внешних (международных, глобальных) постепенно в негативном направлении изменял параметры сознания, культуры, просвещения, религии, искусства и т.д. Так, позднесредневековая система мусульманского образования резко контрастировала с раннеисламскими медресе: значительно упал их интеллектуальный уровень, в ментальности среднего мусульманина усиливаются фанатизм и нетерпимость к инакомыслящим, появляется пренебрежение к науке и мысли. Именно с XVI в. цивилизационная и идеологическая история Центральной Азии характеризуется резким размежеванием и конфликтами между суннитами и шиитами, причина которых связывается главным образом с политикой шахов сефевидского Ирана, провозгласивших шиизм государственной религией [6]. Главным соперником шиитского Ирана («кызыл-башей»), главой «правоверных суннитов» объявили себя османские султаны. Это обстоятельство еще более углубляла изоляцию мусульман Центральной Азии. Суннитский Туркестан и шиитский Иран стала разделять стена религиозной отчужденности, а, значит, приостановился обмен культурными ценностями, идеями, общение духовных элит. Таким путем средняя Центральная Азия оказалась также отрезанной от Афганистана, Индии.

Данная религиозно-идеологическая проблема, и, в целом, начинающееся с нового времени соперничество исламских мазхабов, тарикатов (например, йассавийя и накшбандийя) наложили весьма зна-

чительный негативный отпечаток на судьбы исламского мира и региона. Эти противоречия привели к ослаблению интеллектуального потенциала духовных элит, косности и догматизму в богословских вопросах. Еще с XI века в исламе был провозглашен «таклид» – запрет на свободный интеллектуальный поиск в религиозных вопросах и требование «следования старине», т.е. авторитету средневековых теологов (факихов и мутакаллимов). С позднего средневековья этот запрет стал приобретать особо реакционные и открытые формы. Это означало, что ислам утрачивал свой изначальный динамизм и дух творчества [7, с. 143].

Интеллектуальный застой непосредственно сказывался на состоянии науки, в том числе естественных и технических наук, медицины; промышленности и т.д. Мусульманский Восток, в том числе тюркский мир, стал отставать от Запада, России в отношении видов и качества вооружения и военного дела (временным исключением были Османская империя в период ее расцвета и империя Бабуридов в Индии). Что касается евразийских номадов, казахов-кочевников, то в XVI-XVIII вв. их военно-политический потенциал в глобальном масштабе уже никак не соответствовал требованиям времени, т.к. они не были знакомы с артиллерией, и даже ружья были в степи большой редкостью.

Итак, ставший заметным к новому времени кризис в системе науки, образовании, технологиях в тюркских землях был напрямую связан с кризисом в главных центрах исламского мира (как Каир, Багдад и др.). Кстати, эти центры очень сильно пострадали от чумы (по одним сведениям население мусульманского Ближнего и Среднего Востока сократилось до 40%), физически оказались уничтоженными и многие ученые-богословы. Общеизвестно, что в западной Европе чума, голод, миграции XIV в. также негативно повлияли на качество и количество кадров священнослужителей.

Таким образом, если Центральная Азия в домонгольский период развивалась в унисон с общемусульманским ренессансом (IX-XI вв.) и произвела на свет звезд мировой цивилизации, то в позднем средневековье и новое время мы видим нарастающий упадок и угасание науки, высокого искусства, которые имели не только местные каузальные основания, но и общецивилизационные причины, т.к. тюркский мир давно был органической частью исламской макроцивилизации. Многие аспекты культурно-цивилизационной истории Казахстана и тюркского мира необходимо рассматривать в контексте более широкой проблемы – соперничества и борьбы Востока и Запада, между исламским и западно-европейским сообществами.

Отмечая первичные, объективные (в данном случае – природно-климатические, биологические, демографические и пр.) факторы снижения потенциала тюркской культурно-цивилизационной общности и Востока в целом к началу нового времени, мы не должны замалчивать внешнеполитические факторы, под которыми подразумеваются захватнические планы европейских держав, пагубные замыслы их молодой буржуазии, которые в погоне за прибылью подталкивали свои страны к завоеванию территорий ослабевших государств Востока, к осуществлению мировой экспансии.

В отношении тюркской истории, учитывая то, что основной массив составлявших его этносов располагался тогда в Евразии, следует подчеркнуть разрушительные экономические, политические и культурные последствия колониальной экспансии Российской империи, а также политику Цинской (Китайской) империи, под властью которой в XVIII-нач. XX вв. также оказалась огромная территория исконно тюркских земель. Еще с конца XV-XVI вв. усиление Москвы и ее восточная политика стали причиной разрушения единства Золотой Орды, а затем и открытого захвата ею Казани, Астрахани, Сибири, военного проникновения в казахские земли.

Все это сопровождалось политикой «разделяй и властвуй», сеющей отчуждение и этническую вражду между отдельными субъектами некогда единого тюркского мира. Еще в позднем средневековье из единого массива тюркских племен сначала выделилось несколько крупных ветвей: Ногайская Орда – на западе, Узбекский улус – в центральных степях Евразии. Часть тюрков-ногайцев оказалась теснее связанной с западом, доходя в своих кочевьях до Днестра. Внутри казахов, ногайцев, татар усиливались политические разногласия, обусловленные отчасти объективными реалиями социально-экономической жизни, одновременно сознательно инспирируемые Москвой. С начала XVI в. в Казани соперничали две партии – крымская и русская; как писал казахский историк М. Тынышбаев, «при таких сильнейших внутренних неурядицах Ивану IV нетрудно было занять Казань и окончательно присоединить ее к России» [8, с. 135]. Такие же партии – промосковская и прокрымская боролись в Астраханском ханстве.

Что касается ногайцев, характерны слова, сказанные Исмаилом-мурзой его сопернику брату Йусуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару. А мои люди ходят к Москве» [9, с. 523]. Эта борьба приобретала ожесточенный характер, в итоге, подстрекаемый Москвой, Исмаил убил Йусуфа и устроил жестокую резню в его владениях. Часть ногаев спаслась бегством к казахскому хану Хакк-Назару. На протяже-

нии XVII-XVIII вв. неуклонно росли тюркский феодализм и противоречия внутри правящей ветви джучидов в Казахстане. Достаточно напомнить историю принятия подданства России Младшим жузом, когда русскому послу А. Тевкелеву пришлось наблюдать борьбу двух партий в казахской Орде: партии хана Абулхаира, стоявшей за российский протекторат, и открыто враждебной ей и России партии султанов и старейшин [10, с. 57].

Невиданных размахов в жизни тюрков под властью Российской империи достигли материальный упадок, культурная стагнация, противоречия в сфере языка, религии, образовании. Ряд малочисленных тюркоязычных этносов Сибири и Алтая подвергся процессу необратимой этноязыковой ассимиляции и депопуляции. Якуты (саха), хакасы и др. помимо экономического грабежа их земель, испытали глубокий духовный гнет, выразившийся в их поголовном крещении, насильственной замене их личных имен и фамилий на русские. Кроме того, в эти далекие края метрополия сознательно распространяла алкоголь, занимаясь хорошо проверенными колонизаторами в различных уголках земли политикой спаивания туземцев. Это преследовало цель полной дегенерации населения для облегчения освобождения территорий с богатыми природными ресурсами.

Безусловно, интеграция тюрков Волго-Уральского региона, Сибири, Алтая, Туркестана, Закавказья, Северного Кавказа, Крыма в состав растущей полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи следует трактовать как сложный и неоднозначный исторический процесс с разноплановыми фазами, развертывавшийся в русле глобального драматического многовекового взаимодействия Востока и Запада и выражавшего закономерности формирования глобальной капиталистической экономической системы. Мы также должны учитывать, что на протяжении ряда столетий и тысячелетий в этнической истории естественны и закономерны процессы дробления, этнотрансформации, прохождения этнокультурными единицами этапов распада и повторной консолидации, изменения этнических маркеров, идентичности и т.д. [11]. Тем не менее негативные характеристики тюркской истории под властью царизма бесспорны и очевидны; факт глубокого цивилизационного конфликта, примерами которых изобилует национальная история каждого народа в период подчинения России неоспорим.

Если вкратце коснуться хода политического и культурного распада единого тюрко-исламского пространства на протяжении XVI-XVIII вв., то в 30-70 гг. XV в. распалось Государство Золотой Орда с центром на нижней Волге, и данный болезненный процесс имел следствием образование из его «осколков» таких мелких тюркских государств (ханств) Евразии, как Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское или Тюменское ханство, Казахское ханство (промежуточными звеньями были Ак Орда, Государство «кочевых узбеков»), Ногайская Орда (Мангытский Йурт) и др.

Трагическими страницами тюркской истории позднего средневековья стали завоевание Россией Казани, Астрахани, Искера, ликвидация остатков местной государственности, сопровождавшие массовой резней, вандализмом, материальным разграблением, акциями насильственного обращения тюрков из ислама в православие. При взятии Казани было истреблено все мужское население; а мусульманских женщин царь отдал в полное распоряжение своим солдатам. «Город представлял ужасное зрелище: пылали пожары, дома были разграблены, улицы были завалены трупами, везде виднелись потоки крови»; «чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории» [12, с. 644]. Когда русские казаки захватили г. Сарайчик, они осквернили мусульманские могилы, выбросив из них трупы. В целом, нравы допетровской России, в которых отражались языческие инстинкты восточнославянской расы, общеизвестны. Недаром идеолог русского анархизма М.Бакунин говорил, что «кто не понимает разбоя, тот не понимает русскую душу», а сам великий Пушкин страшно боялся русского бунта – «бессмысленного и беспощадного». Отсюда понятны тот разгул жестокости и зверства, который показывали русские атаманы и крестьяне, покорявшие просторы Зауралья, Сибири, Казахстана. К концу XVI в. все среднее и нижнее Поволжье, территория бывшего Сибирского ханства Кучума были включены в состав России. В начале XVII в. был положен конец политическому значению тюркоязычных ногайцев, и Россия вплотную продвинулась к границам Казахского ханства (существующего с 70-х гг. XV в.).

Уход с исторической арены могущественного тюркского государства – империи эмира Темура и его потомков-темуридов было по значимости вторым после распада Золотой Орды негативным явлением тюркской евразийской истории. Иными словами, на всем пространстве тюркской Евразии теперь окончательно возобладали процессы распада и дезинтеграции, ослабления местных духовных и политических элит. В результате пассионарная энергия тюрков вместо сплочения и концентрации, мобилизации ее на рост и процветание единой цивилизации будет отныне растрачиваться на соперничество и кровавые междоусобицы, и в одиночку мелкие тюркские политические образования уже не смогут достойно противостоять натискам цивилизаций-соперников.

Если в древнетюркскую и раннесредневековую эпоху процессы распада, феодальной раздробленности имели временный характер, чередовались следующей, иногда даже более мощной волной обратного интеграционного процесса, то с конца XV - XIX вв. надежды на восстановление тюркского единства уже не было: сила распада и обособленности имела невероятную инерцию и усугублялась агрессивным наступлением мощных империй-соседей, поступательным усилением военно-технического потенциала европейско-христианских народов.

«Из всех этнополитических образований Джучидов постзолотоордынского периода дольше всего просуществовало именно государство казахских султанов, а также Крымское ханство. Конец владычеству в Крыму династии Гиреев и присоединение полуострова к Российской империи относятся к 1783 г. Присоединение Казахстана к России, начавшееся в 30-х гг. XVIII вв., по ряду причин затянулось на многие десятилетия и закончилось лишь в 60-х гг. XIX в.» [13, с. 178]. В условиях геополитического усиления России, развития новой системы экономических связей особенно тяжело пришлось тюркским народам, проживавшим в цивилизационном пограничье, на самой границе крупных держав, а также спорных территориях. Это касается ногайцев, крымцев, казахов, татар, башкир, уйгур.

В первой четверти XVIII в. возникло невиданное ранее осложнение геополитической ситуации в Центральной Азии. К XVIII в. казахи как многочисленный тюркоязычный этнос Евразии (2-3 млн. чел.) имели потенциал и все шансы достойно интегрироваться в систему современной индустриально-урбанистической цивилизации (сами русские и западноевропейские путешественники свидетельствовали о том, что это был смысленный, одаренный народ, отличающийся крепким здоровьем, феноменальной памятью кочевника, живостью ума, мобильностью, открытостью и т.д.). Вместо этого народ на многие столетия оказался втянутым в антигуманный культуртрегерский эксперимент Российской империи, своих наивысших примеров жестокости и цинизма достигнувший после коммунистического переворота.

Историческими предпосылками казахско-русского политического конфликта отечественные исследователи (глава «Политическое положение Казахстана в первой трети XVIII.» академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней», Т.3, Алматы, 2000; автор - Ерофеева И.В.) определяют «обострение социально-экономической и политической обстановки на юго-востоке России и внутри среднеазиатских стран, обусловленное перемещением мировых торговых коммуникаций с территории континента в бассейн Атлантики и интенсивным развитием военно-политической экспансии Российского государства на юго-востоке Европы и в Сибири и Цинской империи в Центральной Азии. В ходе встречного движения в географическом пространстве обеих имперских государственных систем и которое развивалось на фоне утраты кочевниками их прежнего приоритетного положения в культурно-исторических контактах между Востоком и Западом, происходило постепенное вытеснение кочевых народов с торговых путей, сокращение номадизма в Евразии и смещение традиционных путей и маршрутов кочевков. Эти геополитические процессы повлекли за собой усиление интенсивности взаимных конфликтов, между кочевыми народами по поводу пастбищных мест и свободного доступа к торговым центрам близлежащих территорий. На данной основе возник новый виток военной конфронтации в международной сфере, охвативший в первой трети XVIII в. все пространство южной части Поволжья, Западной Сибири, соседних регионов Центральной Азии» [4, с. 104].

В учебном пособии «История Казахстана и Центральной Азии» казахстанских и российских авторов (М.Х. Абусейтова и др., Алматы, 2001) выдвигается тезис о том, что рост Российской империи отражал историческую закономерность разрастания и превращения крупных централизованных оседло-земледельческих государств в империи за счет освоения периферийного, главным образом внутриконтинентального, пространства, населенного номадами и другими группами подвижного населения. Отмечается, что Россия несла аборигенам Центральной Азии «идею централизованного государства, которым последние пытались противопоставить традиционализм, этнокультурные и религиозно-конфессиональные ценности. Огнестрельному оружию и регулярной армии аборигены пытались на всем пространстве Евразии, Африки и Америки противопоставить луки, стрелы, в лучшем случае конницу и холодное колюще-рубящее оружие, военному искусству, тактике и стратегии – партизанскую борьбу, централизованному обеспечению ресурсами и жестко организованным коммуникационным и управленческим структурам – клановость и патернализм» [13, с. 353].

Здесь заметна тенденция изъять из трактовки истории субъективный, гуманитарный аспект (право выбора, волю и сознание человека, т.е. именно то, что отличает человеческую историю от слепого природно-космического процесса и наполняет ее нравственным смыслом); а значит, и моральную ответственность народов и государств друг перед другом, которая, кстати, должна возрастать пропорционально естественному «взрослению» человечества. На современном этапе российская историческая

наука активно перевооружается новыми модными теориями с целью подогнать историю своих колониальных захватов под современные концепции, в частности, теорию фронта. На противоречивость применения теории фронта в отношении Российской империи указывает профессор Г.К. Кокебаева [14]. В частности, отмечается, что обращение к теории фронта американского ученого Фредерика Джексона Тёрнера в постсоветской России «связано, видимо, с необходимостью сохранения целостности государства и поиском наиболее приемлемой модели единения народов, населяющих страну»; применение понятия «frontier», означающего в американской истории границу продвижения поселенцев в США, «место встречи варварства и цивилизации» означает, что теперь «мы должны признать, что не было колониальных захватов, а было только «продвижение границы и освоение... тогда, наверное, придется полностью вычеркнуть историю национально-освободительного движения, так как она не вписывается в теорию фронта».

Далее, автор замечает: «неприемлемость теории фронта в изучении российского колониализма заметили также и некоторые зарубежные ученые. Так, при обсуждении книги Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства» профессор Геттингенского университета М. Хильдермайер отметил: «С одной стороны, нельзя отрицать существование различий между русской и западноевропейской или американской колонизацией. С другой стороны, как свидетельствует захват Кавказа или Средней Азии, русские не проявляли того «прагматизма» и того «терпения», о которых пишет Миронов. Каждый, кто знаком с историей российской экспансии, знает о религиозной и языковой ассимиляции, об утверждении этнического превосходства, об экономических соображениях экспансии... континентальный колониализм России с самого начала включал в себя подчинение, культурное угнетение и эксплуатацию». (Здесь, наверное, стоит напомнить знаменитые слова Карла Маркса о восточной политике России – о ее «подлости и славянской грязи» – *Н.Н.*). Проф. Г. Кокебаева заключает, что теория «освоения новых земель» или продвижения до «естественных границ» империи противоречат идее наличия государственности у народов, заселявших эти осваиваемые русскими колонистами территории; так что неудивительно, что группа сибирских исследователей, занимающиеся сравнительным изучением американского и русского фронта, считают, что Казахское ханство не было государственным образованием, «казахские ханы фактически являлись военачальниками и вождями, а не правителями государственных образований» [14, с. 116].

В целом, вероятно, историю целесообразно осмысливать как сумму объективных и субъективных факторов, трезво подходить как к закономерностям эволюции человечества как сложной взаимосвязанной антропосистемы, так и моральной ответственности сообществ, не умаляя при этом воли политических элит и идеологов. На самом деле, если вернуться к идее экспорта централизованного государства, передовой социальной организации и пр., то народы Востока, в том числе и номады степной Евразии (в отличие от индейцев Америки или эскимосов Северной Азии), в своей истории не раз генерировали эти идеи и модели и претворяли их в жизнь. Научно некорректно заявлять, что Россия познакомила тюрков с идеей государственности вместо трайбализма. В истории пространство Евразии не раз были «собрано» под знаменами тюркских и монгольских императоров.

Что касается трайбализма, то, как отмечается в работе известного западного ученого-кочевниковеда А. Хазанова, необходимо различать «первобытный» и вторичный (или политический) трайбализм; кочевным обществам был присущ именно вторичный, «маргинальный» трайбализм [15, р. 151]. У поздних казахов-кочевников трайбализм был вторичным, когда племя или джуз характеризуются не столько как этнолингвистические общности, а сколько как подвижные военно-политические образования, которые при благоприятных исторических обстоятельствах быстро интегрируются в единую государственную систему, что свидетельствует о более высоком уровне социополитической организации. Безусловно, к новому времени историческая ситуация сильно изменилась: казахи, в целом, тюрки Евразии оказались дезинтегрированы и ослаблены, нуждались в новом объединении. И все же необходимо помнить, что сама эта дезинтеграция была во многом результатом многолетней подрывной «работы» растущих империй – России и Китая, которые различными способами – прямыми и косвенными – подтачивали основы естественного единства коренных народов.

Во многом т.н. «фанатизм» поздних мусульман или т.н. «разбойничьи» нравы кочевников-казахов (кочевых узбеков, туркмен и др.), учащение военных столкновений внутри региона были на самом деле опосредственно обусловлены давлением и влиянием внешних сил. Так, хорошо известно, что издавна при отсутствии доступа к торговле кочевники прибегают к отчаянной практике набегов, насильственного изъятия товаров, требуя открытия рынков сбыта и т.д.

Рост конфликтности в Центральной Азии XVII-XIX вв. имел глубинными предпосылками объ-

активные социо-гуманитарные причины ввиду наступления на регион великих держав, вызывавших массовое обеднение, голод, вынужденные массовые миграции. Так, из-за захвата территорий пастбищ российским властями местным народам неизбежно приходилось вступать в конфликты и тяжбы с живущими по соседству родственными народами. Пресловутая «осталость», «грубость» или «леность» поздних номадов, мусульманских сообществ, отсутствие санитарно-гигиенических норм и т.д., если смотреть глубже, также не выступали извечными их этническими признаками, а были порождением углублявшейся на протяжении веков бедностью, миграциями, войнами, которые любой народ ведут к моральному кризису и дегенерации.

Яркий пример «исторически приобретенной» вражды демонстрировали казахи и башкиры. Взаимные и не прекращавшиеся в течение нового времени набеги их являлись результатом экспансионистской политики России в соединении с искусной дипломатией империи по натравливанию малых народов друг на друга. На самом деле башкиры были наиболее близким казахам этносом, о чем говорят общие кыпчакские корни, совпадение большинства этнокомпонентов в составе обоих народов [16, с. 192]. Великие державы в лице России и Китая приложили немало усилий для углубления конфликта между двумя крупными воинственными кочевыми этносами Евразии – казахами и монголоязычными джунгарами, пока это не вылилось в крупномасштабную, длительную и изнурительную войну на взаимное истребление.

Периодические столкновения казахов и ойратов (джунгар), начиная с XV века, постепенно нарастают и достигают своего пика и накала в 20-е гг. XVIII в. В результате этой войны казахский народ понес серьезный демографический урон (по одним сведениям, 2/3 своей численности) и в конце концов, ослабленный, был вынужден просить подданства Российской империи. А южные регионы Казахстана вместе с территорией современного Кыргызстана, большей части Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана были насильственно присоединены к царской империи во второй половине XIX века, составив т.н. Русский Туркестан – отдельное генерал-губернаторство с административным центром в г. Ташкенте.

Вместе с тем, говоря о субъективных, политических факторах, ответственности лидеров и правящих элит, мы должны признать, что в поддержке и воспроизведении этнического сепаратизма, трайбализма и пр. известная роль принадлежала и местным потомкам Чингиз хана, аристократическим кланам, которые в рассматриваемый период не выдвигали из своей среды сколько-нибудь ярких харизматических лидеров – правителей, имевших бы авторитет и влияние в масштабе региона или всего тюркского мира.

«Ханства, возникшие в XV веке на развалинах Золотой Орды, не считались еще самостоятельными единицами, независимыми друг от друга; каждое из них стремилось захватить территории соседей, а некоторые, из более крупных, принимали все меры к ослаблению или даже уничтожению Сарайского ханства, чтобы самим занять его место. В дальнейшем эта лихорадочная борьба за власть и присоединения обратилась в бесконечные междоусобные войны, которые в свою очередь, ослабили ханства до того, что освобожденная Россия через 70 лет после бескровной победы на Угре, оказалась в состоянии присоединить Казанское и Астраханское ханства и Ногайский улус, и разрезать оставшиеся народы Золотой Орды надвое» [8, с. 130]. Иными словами, местные династии и правящие кланы занимались самоуничтожением тюркской государственности и цивилизации. Таким образом, наряду с внешними деструктивными силами, не следует забывать и о нелицеприятных деяниях местных правителей.

Как известно, неоднозначный характер имела внешняя политика эмира Темура, в своей борьбе с Тохтамышом и его союзниками разрушившего десятки тысяч мирных жителей, города и инфраструктуру Золотой Орды. С точки зрения общетюркских идеалов нельзя назвать целесообразным и прогрессивным вторжение Темура в Малую Азию, и в целом, неспособность двух великих монархов тюркского мира той эпохи – султана Баязида Йылдырыма и Тамерлана – найти общий язык и согласие, что закончилось известными трагическими событиями, братоубийственной войной, пленением и унижением османского султана. В итоге политически выиграла другая сила, которые находились за пределами тюркского мира.

В поздней истории Казахстана мы видим, как казахские чингизиды (за исключением Аблая, Кенесары и ряда других) отличались изрядным конформизмом, будучи озабочены личными амбициями, они мыслили масштабами отдельно взятого джуза и локальной территории; нередко готовы были ради личной власти пойти на уступки русскому царизму, джунгарскому хунтайджи, маньчжурскому богдыхану. Правители узбекских ханств (Бухара, Хива, позже Коканд), за весьма редким исключением, откровенно шли на поводу личного эгоизма и этнокультурного сепаратизма, когда допускали в жизни ханств рост межэтнических трений, обременительные налоги и хищнические набеги на аулы казахов

Старшего и части Младшего жузов, кыргызов, попавших в XIX веке в политическую зависимость от этих полусредневековых государств [17, с. 155-157].

Итак, к сожалению, на протяжении нового и новейшего времени процессы этнического обособления в тюркском мире усиливались, а идея политического, духовно-культурного объединения становилась малопривлекательной и непопулярной. Хотя некоторые политические лидеры тюркских народов Евразии конца XVI-XVIII вв., как, например, казахские ханы Хакк-Назар, Таваккул (Тауке), Абулмансур (Аблай хан), их идеологи (поэты-жырау) искренне стремились объединить казахский этнос, а также по мере возможности сплотить вместе с ним каракалпаков, кыргызов, узбеков и др., но центробежные силы и факторы распада оказывались сильнее их воли. Конечно, как уже было сказано, все это происходило не без серьезного влияния внешних сил (Россия, Китай, Англия), заинтересованных в дезинтеграции и дестабилизации Центральной Азии. Лишь позже, в конце XIX - нач. XX в. новой интеллектуальной элите тюрков, просветителям и образованным джадидам удалось добиться значительных успехов и коренного перелома в изменении массового сознания тюркских народов Центральной Азии, Волго-Уральского региона, Крыма, Кавказа, Малой Азии в сторону единения, сплочения, преодоления этнического эгоизма.

Говоря о возрастании военных стычек и конфликтов в Евразии, мы должны, конечно, иметь в виду то, что своей крупномасштабной интервенцией, захватами громадной территории континента, наложением на подвластные народы огромных контрибуций и разорительной системы налогов, блокированием торговых путей и пр. Российская империя вызвала невиданную дотоле волну недовольства и протеста покоренных этносов, не прекращавшуюся на протяжении ряда веков. Особенно это касалось истории народов Кавказа, Башкирии, Казахстана и Центральной Азии. В отношении тюркского Восточного Туркестана, во второй половине XVIII в. ставшего объектом захвата со стороны Китайской империей Цин и переименованного в Синьцзян («Новый край»), то здесь прослеживается та же закономерность. Чокан Валиханов отмечал политический и социальный гнет маньчжуро-цинских чиновников, обиравших местных тюрков-мусульман [18, с. 361].

Россия и Китай как две тоталитарные державы в XIX в. осуществили циничный раздел сфер влияний, некогда единой и независимой тюркской этнической территории. Подписав совместные договоры в Пекине (1860 г.), Петербурге (1881 г.), империи не только захватили исконно тюркские земли и уничтожили политический суверенитет народов, но и создали дополнительные факторы для этнического разобщения и разъединения, когда по разные стороны государственной границы оказались даже части одного и того же этноса (это касается казахов и уйгуров) и даже одного племени и рода. Это породило множество семейных и родовых трагедий, стало причиной горя и страданий для десятков тысяч людей; негативно влияло на состоянии экономических связей, торговли и обмена.

Таким путем усиливалась отчужденность и разобщенность некогда единой тюркской общности. Делимитация государственных границ стала средством многовековой искусственной изоляции (понятия «казахи России» или «казахи Советского Союза», «казахи Китая», «казахи Монголии»), порождавшие противоестественные различия в менталитете, образе жизни, политических взглядах, системах письменности и т.д. Необходимо учесть, что вовлечение огромной массы тюркского и нетюркского населения Евразии в протестные движения XVII-XIX вв. оказывало отрицательное влияние на состояние и перспективы развития культуры, образования, благосостояния народов, демографии. Помимо видимых – демографических, социально-экономических и политических – последствий эти длительные конфликты и войны наносили глубокую психологическую травму, ущерб самосознанию тюрков.

Характерная черта эпохи после распада Золотой Орды и государства Темура и вплоть до 30-х гг. XX в. – крупномасштабные и постоянные миграции внутри региона и за его пределами, убедительно свидетельствующие о дезинтеграции и дестабилизации тюркского мира. Это были бегства как отдельных крупных личностей, политических и военных руководителей со своим окружением, так и многочисленных групп, а то и целых племен и части народов. «Этот период особенно богат передвижениями племен, так как переходы с одного конца на другой Тохтамыш и его детей, Улу-Мухамеда, Джаныбека, Шайбакидов, потомков Едыге не могли совершаться без того, чтобы с ними не уходили наиболее преданные им роды» [8, с. 130].

Огромный массив тюркских узбекских племен из степей Дешт-и Кыпчака переместился на юг в первые годы XVI в. вместе с Шейбани ханом (по одним сведениям, до 360 тыс. кочевников покинули казахстанские степи и расселились в Среднеазиатском междуречье, составив позже один из ведущих компонентов будущего узбекского этноса). Мы упоминали также о постоянных оттоках ногаев на восток и юг. Поэтапный распад Ногайской Орды как объединения кочевых тюркоязычных племен на западе, начавшийся еще в нач. XV в. в период распада Золотой Орды, стал показательным примером про-

цесса этнического обособления и деградации. После падения Казани, Астрахани массы тюрков опять предпочли спастись, мигрируя на восток – к казахским ханам. А к концу XVIII в. после присоединения Крыма к России большие массы тюрков из полуострова были также вынуждены уйти в Османскую империю (около 500 тысяч чел.).

Если говорить о XVIII веке, то беспрецедентный массовый исход казахов всех трех жузов был вызван джунгарскими вторжениями 1723-1725 гг., разорительными набегами волжских калмыков и отрядов русских казаков. Во второй половине XIX в. произошли крупнейшие исторические миграции казахских племен на территорию западной Монголии [19]. Также можно отметить переселения уйгур и дунган из Восточного Туркестана в Семиречье в 70-90-е гг. XIX в.

В основе всех подобных миграций лежали социально-экономические и политические причины: спасение от войн, обеднение и поиск удобных пастбищ, бегство от тяжелых налогов или репрессий со стороны господствующих государств. Одной из характерных черт колониальной эпохи в истории тюркской Евразии были периодические волны переселения казанских татар в Казахские степи и Сибирь, обусловленные потерей земель, обеднением, обременительной солдатской службой в русской армии, которой подлежало татарское население, а также, что особенно важно подчеркнуть, постоянной угрозой культурной ассимиляции и крещения, антиисламской и обрусительной политикой царизма.

В течение XVII-XIX вв. Россия все активнее расширяла протекторат, продвигаясь вглубь казахской степи посредством строительства крепостей и военных линий, состоявших из них. «Согласия казахов на строительство казачьих станиц, крепостей и укреплений русские колониальные власти добивались всевозможными средствами, путем военных захватов, подкупа знатных степняков за чины, подарками, жалованиями и даже путем прямого шантажа» [4, с. 73]. Как известно, всего к началу XX в. в руках Российского государства оказалось свыше 40 млн. га насильственно отобранных казахских земель. Тюркские народы Евразии потеряли окончательные остатки своей самостоятельности, став частью огромной враждебной им по духу и крови империи. В Центральной Азии мы видим их в составе Туркестанского, Омского, Оренбургского генерал-губернаторов. Управление коренным населением на территории данных административно-политических единиц было военным; на страже законов империи стояли расположенные здесь регулярные и иррегулярные (казачьи) войска, действовали военные суды.

Огромные хаотические передвижения хозяйств номадов и вынужденные смещение традиционных маршрутов кочевания снова произошли к концу XIX - нач. XX вв. на территории современного Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, вызванные серией национально-освободительных восстаний, жестоко подавленных Российской империей, карательными действиями царизма, контрибуциями и тяжелыми налогами. Массы коренного тюркского населения насильственно вытеснялись за пределы этнической территории, своей исторической родины, становясь скитальцами на чужбине.

Так, крупные акции бегства казахов Среднего и Старшего жузов из исконных земель в Синьцзянь – на территорию, подвластную Китаю, произошли в результате трагических событий середины 1916 г., когда «кинородцы» были мобилизованы царем в Первую мировую войну. В знак протеста вспыхнуло крупнейшее в регионе антироссийское восстание, в котором приняли участие казахи, узбеки, кыргызы, таджики и др. этносы. Однако протестное движение было жесточайшим образом подавлено, произведены этнические зачистки целых районов, осуждены, казнены и сосланы в Сибирь тысячи мусульман [20]. В результате большие массы кочевников – казахов и кыргызов (около 300 тысяч чел.) – спаслись бегством в Китай.

Позднее средневековье характеризуется формированием новых самостоятельных тюркских народностей. Антиномия истории такова, что наряду с кризисом и утратой общетюркского самосознания, усилением разобщенности, отдалением языков и народных говоров, происходили процессы формирования самобытного этнического самосознания отдельных крупных тюркоязычных народов, усиливались внутренние консолидационные тенденции, складывались предпосылки для рождения и оформления национальных литературных языков и традиций. В определенном контексте, учитывая различные фазы всемирной истории, необходимо признать прогрессивным и исторически необходимым становление национальных языков – казахского, татарского, башкирского, узбекского, современного турецкого (вместо искусственного турецко-османского) и др. [21, с. 75].

Особенно это было важным на фоне засилья арабско-персидского языкового влияния и конфессионального сознания, характерного для средневековья. Также становился очевидным факт искусственности и непродуктивности книжного языка «тюрки», варианты которых хотя и выполняли важную интегрирующую функцию, но к началу современной эпохи устарели и не соответствовали новым истори-

ческим задачам. В целом, процессы этнической дифференциации и формирования локальных центров тюркских культур одновременно выражали объективно-исторические закономерности и императивы новейшей эпохи, когда возобладали новые принципы мироустройства – на базе национальных государств, национальных культур и секуляризма [22].

Беспрецедентная борьба тюрков Евразии и казахов, в частности, за этническое и культурное самовывживание на протяжении XVI-XX вв. имела следствием, как это ни парадоксально, и положительные моменты укрепления национального духа, обогащения исторического сознания. Так, в исторической памяти и фольклоре казахского народа получили яркое отражение эпизоды борьбы за свободу, родную землю, возникли поэтические шедевры, воспевающие военные подвиги и высокий моральный дух вождей-батыров. Укреплялась национальная идентичность, его параметры, как самобытный язык, фольклорное и литературно-философское наследие, обычаи и традиции. Через разъединение, страдания и лишения, тюркские народы в лице своих лучших представителей постепенно шли к пониманию необходимости сознательного сплочения, единства, а также цивилизационного обновления и прогресса. Как писал А. Левшин о казахах, «столь несчастное положение не могло быть долго сносимо киргизами...отчаяние убеждало их в необходимости возратить себе прежние жилища, а бедствия внушали средства к достижению сей цели. Опасность примирила внутренние междоусобицы, возродила общее согласие...» [23, с. 168].

Вместе с тем было бы неправомерно полагать, что самостоятельные тюркские народности быстро забыли общие истоки своего происхождения, языка, культурного наследия и т.д. На самом деле, данный вопрос нуждается во всестороннем исследовании. Необходимо по крупинкам собирать факты, прямые и косвенные, в пользу сохранения у отдельных тюркских народов общей исторической памяти, мотивов единства, оплакивания былой славы и свободы предков в их духовном наследии, отношения поэтов и мыслителей к родственным по происхождению и языку народам – как ближним, так и дальним, а также осмысления народами причин своего упадка и разъединения. Кроме того, историкам необходимо более внимательно исследовать факты взаимопомощи и сотрудничества между тюркскими народами, переживавшими на протяжении многих столетий общий национальный и религиозный гнет.

Так, известно, что в фольклоре ногайцев и казахов оплакивается их разрыв и отделение ногаев от некогда единой кыпчако-ногайской общности эпохи Золотой Орды, которое произошло после смерти бия Ормамбета (Улуг Мухамеда). По мнению В. Трепавлова, после распада Золотой орды воспоминания входивших в его состав народов об утраченном единстве, ностальгия по нему еще надолго сохраняются и прослеживаются в их духовном наследии [24]. В исторической памяти казахов, несмотря на слабоизученность этого вопроса, имеются сведения и факты в пользу этнической солидарности тюрков Центральной Азии и всего мира, идеи исламского единства. Например, поговорки: «Өзбек – өз ағам» («Узбеки – свои/наши братья»), «Қазақ, қырғыз бір туған» (Казахи и кыргызы – единого происхождения), выражения «Ер Түрік» (Храбрые турки, Турки-герои), «Татар ағайындар» (Татары-братья») и др. Заслуживает особого внимания историческое понятие из казахских шежире-генеалогий «алты алаш» («шесть алашей») – название суперэтнуса, состоявшего из шести частей: трех казахских жузов, а также наиболее близких им каракалпаков, кыргызов и узбеков (есть и другие интерпретации; например: казахи, узбеки, башкиры, татары, кыргызы, каракалпаки).

Тюркские народы Центральной Азии неоднократно совместно выступали против колонизаторов во время массовых вооруженных восстаний. В регионе пользовались большим уважением грамотные татары, вынужденные селиться в городах и аулах среди узбеков, казахов, туркмен, кыргызов, разделив с ними общую судьбу. Беглецам-татарам в аулах Казахстана кочевники оказывали всяческую помощь, принимали в состав своих сообществ. В свою очередь, эти иммигранты и их потомки честно служили на поприще мусульманского просвещения. В истории Казахстана можно привести немало таких фактов. Например, аул отца Абая Кунанбая-хаджи дружил с родом оказавшихся татар (аул «Исхак-ногая»); сын Абая Абдрахман женился на девушке из этого рода. Первый учитель великого Абая – аульный мулла Габитхан Габдыназарулы был весьма уважаемым в ауле казахов-тобыктинцев, хотя имел татарское происхождение [25, с. 190].

Несмотря на искусственные преграды, политику «разделяй и властвуй», тюркские народы стремились поддерживать экономические, торговые, культурные связи, сохранять сознание своей исторической общности, в котором большую роль играл языковой фактор. Кроме того, важную интегрирующую роль играл ислам, который в конкретно-исторических условиях Центральной Азии действовал как фактор защиты этнокультурной самобытности.

Малоисследованным вопросом остается восприятие сознанием казахов и других тюркских народов

Российской империи образа далекой братской Турции (тогда Османской империи). Так, в песнях казахско-ногайского поэта-воина XVI века Доспамбета есть упоминание Истанбула в смысле славного города (строки: «Славный Азов ничем не хуже Истанбула!»). [26, с. 32]. В казахских родословных ханов, записанных и дополненных Шахкаримом и др. исследователями, наряду с династиями ханов Центральной Азии, Крыма, Казани, приведены родословные османских султанов, подробно рассказана история миграций огузов на запад и формирования империи [16].

Популярность мужского имени «Султан» или производных от него (Султанбек, Султанмахмут, Султанбай, Бексултан, Нурсултан и т.д.) у казахов также, на наш взгляд, может свидетельствовать о симпатии к Османской империи. Названия городов и областей тюркского мира, как Қырым, Қазан, Бұхар, Самарқан, Тәшкен, Қашқар наряду с мусульманскими святынями – Мекке, Медине, Мысыр, Шам, Бағдат и др. – всегда ассоциировалось в массовом сознании казахов с религией, благочестием, традицией, справедливостью и т.д. Об этом говорят образцы фольклора – сказки, дастаны, песни и т.д. В свою очередь, город Туркестан, лежащий на стыке кочевой казахской степи и оазисов Сырдарьи, во всем тюркском мире продолжал считаться общей святыней и желанным объектом для поклонения.

В исторический период XVI-XVIII вв., когда большая часть тюркского мира (внутриконтинентальная Евразия) оказалась в пучине кризиса и отчаянной борьбы против великих держав, единственным исключением являлась Османская Турция, которая в эпоху Сулеймана Великолепного (1520-1566) и его преемников переживала наивысшее могущество, достойно соперничая с европейскими государствами и Россией. Тюрко-исламская культура Османов стала феноменом мировой цивилизации. О могуществе и славе турецких султанов слышали мусульмане-тюрки России и Китая. Безусловно, это вдохновляло их на борьбу, укрепляло надежду. Но огромные расстояния, изоляция народов Туркестана от западных тюрков вследствие политики враждебного сефевидского Ирана, а потом и российской политики делали невозможным установление нормальных культурных и дипломатических отношений. И лишь в начале XX в. в условиях новых коммуникаций, начала демократизации, распространения периодической печати, идей тюркизма и модернизма стали возможными первые регулярные контакты представителей тюркской Центральной Азии с кровными братьями из далекой Малой Азии.

Литература

1. Аманжолов К.Р. Түркі халықтарының тарихы.-3 кітап. (XVIII ғ. II жартысы–XX ғ. I ширегіне дейін). - Алматы, 2005.
2. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана. – Костанай, 2006.
3. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы, 2007.
4. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В пяти томах.- Т.3.-Алматы, 2000.
5. Epidemics and Pandemics: Their Impacts on Human History. (By J. N. Hays).- Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2005.
6. Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор // Соч. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. – Москва, 1971. - С. 35 – 125.
7. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе /Пер. с англ. - Москва, 2002.
8. Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата, 1993.
9. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – Москва, 2002.
10. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1961.
11. Лурье С.В. Историческая этнология. - Москва, 1997.
12. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923 // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). – Москва, 1996.
13. История Казахстана и Центральной Азии. - Алматы, 2001.
14. Кокебаева Г.К. Теория фронта и изучение истории колониализма // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. -Серия историческая. – 2012. – №1. – С.113-118.
15. Anatoly M. Khazanov. Nomads and outside world. – Univ. of Wisconsin Press, 1984.
16. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі // Құдайбердіұлы Ш. Шығармалары. - Алматы, 2007.- 123-212 б.
17. Бекмаханов Е.Б. Взаимоотношения казахов со среднеазиатскими ханствами // Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 гг. XIX в. - Алматы, 1992. с. 151-168.
18. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малая Бухария) // Собр. соч. – Т. 2. – Алма-Ата, 1987. – С. 155-178.
19. Қабышұлы, Ислам. Моңғолия қазақтары. Алматы, 2002.
20. Грозный 1916-й год. Сборник документов и материалов. Том I-II. - Алматы, 1998.
21. Зия Кекалып. Түрікшілдіктің негіздері. /Аударған Фадли Әли. -Алматы, 2000.
22. Геллнер Эрнест. Нации и национализм / Пер. с англ. – Москва, 1991.
23. Левшин А.А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы, 2009.
24. Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии: избранные труды. - Казань. 2011. – С. 8-23.